

Г.А. Лошакова (Россия, Ульяновск)

К ВОПРОСУ О РЕЦЕПЦИИ РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ: ЭРВИН И ЕВА ШТРИТТМАТТЕРЫ

В статье отмечен интегративный характер рецепции русской и советской литературы писателями ГДР. Яркий пример этому – творчество Эрвина и Евы Штриттматтер. В раннем творчестве Э. Штриттматтера (50-е годы XX века) существуют определенные аналогии с произведениями М. Горького и М. Шолохова. В малой прозе 1960-х – 1980-х годов Штриттматтер типологически близок К. Паустовскому и М. Пришвину. Онтологичность поэзии Евы Штриттматтер сближает ее с произведениями М. Пришвина.

Ключевые слова: рецепция, интегративный характер, дифференцированный процесс, типологическое сходство, Эрвин Штриттматтер, Ева Штриттматтер.

Восприятие и воздействие русской и советской литературы было неотъемлемой частью художественного опыта писателей Восточной Германии, впоследствии ГДР в 50-е – 90-е годы XX века. Литературный трансфер осуществлялся отчасти по идеологическим причинам: Советский Союз хотел видеть Восточную Германию союзницей во всех сферах, в том числе и в сфере культуры. Опыт прошедшей войны, в которой СССР одержал непрекращаемую победу, побуждал немецких литераторов внимательно и по-особому воспринимать художественное слово, написанное на русском языке. Следует отметить интегративный характер рецепции русской и советской литературы писателями ГДР, что относится и к творчеству Эрвина Штриттматтера (*Strittmatter Erwin*, 1912 – 1994) и Евы Штириттматтер (*Strittmatter Eva*, 1930 – 2011).

В 1950-1980 гг. Э. Штриттматтер был одним из известнейших писателей ГДР. Он занимал пост секретаря, а затем вице-президента Союза писателей, был неоднократно отмечен Национальными премиями ГДР. С 1954 г. до самой кончины Штрит-

тматтер жил на хуторе Шульценгоф в округе Гранзее (Бранденбург). Оставляя за рамками данной статьи перипетии, связанные с его прижизненной и посмертной славой [Gloege 2007], необходимо, однако, назвать его значительные произведения, некоторые из которых послужили материалом для рассмотрения. Это «Погонщик волов» (*Ochsenkutscher*, 1950), «Тинко» (*Tinko*, 1954), «Оле Бинкоп» (*Ole Bienkopp*, 1963), «Шульценгофский календарь всякой всячины» (*Schulzenhofer Kramkalender*, 1967), «Чудодей» (*Der Wundertäter*, 1957, 1973, 1980), «3/4 из ста маленьких историй» (*3/4hundert Kleingeschichten*, 1971), «Соловьиные истории» (*Die Nachtigall-Geschichten*, 1972, 1977, 1985).

В рецепции советской литературы у Э. Штриттматтера можно выделить два направления: во-первых, восприятие Советского Союза как идеологического фактора и, во-вторых, непосредственно влияние русской литературы как словесности, искусства слова. В первом случае восприятие неоднократно меняется от позитивного, в целом, в 1950-е годы до критического и сатирического в 1990-е. Первым опубликованным романом Штриттматтера является «Погонщик волов» (*Ochsenkutscher*, 1950). После его появления становится очевидным, что Штриттматтер – сложившийся прозаик, мастерски сумевший переработать автобиографический материал и приобщиться к разноплановым традициям как немецкой, так и мировой литературы. Герой романа, простодушный, в то же время наблюдательный подросток Лопе Клейнерман, судьбу которого автор прослеживает на протяжении четырнадцати лет, является своего рода Симплицием, терпящим постоянно унижения, голод, холод, и через все это познающим жизнь. Автор показывает в разрозненных эпизодах мысли, чувства, настроение взрослеющего героя, ищущего справедливости и правды [Штриттматтер 1981].

В романе упоминается Лев Толстой, книгу которого герой романа получает в подарок. Гуманизм великого русского писателя, автора трилогии «Детство» (1852), «Отрочество» (1854), «Юность» (1857) близок Штриттматтеру, который рассказывает о своем взрослеющем герое с его попыткой преодолеть жизненные противоречия и психологические тупики. Впоследствии в одном

из интервью писатель говорил, что первым большим литературным событием его жизни было чтение Л.Н. Толстого: *«Это была первая ошеломляющая встреча с русской литературой»* [Strittmatter 1973: 117]¹. Следует отметить в данном случае генетический тип рецепции, т. е. сознательное усвоение тем, мотивов, мировоззренческих установок литературы другой страны.

Стремление запечатлеть трудное детство и взросление героя в безрадостном мире поденщины и рабского труда напоминает также о книге М. Горького *«Детство»* (1914). Штриттматтер не раз говорил, какое большое впечатление на него производили произведения этого советского писателя. Его, несомненно, привлекал творческий путь М. Горького, так как в своей собственной жизни он находил множество совпадений с его сложной судьбой: *«Мои университеты, так звучит название одной из книг Горького. «Мои академии», так должна была бы называться моя»* [Strittmatter 1973: 117].

Схождение, объединяющее произведения Горького и Штриттматтера, состоит в том, что героем повествования становится человек, вышедший из народа, представитель обездоленных слоев общества. В данном случае можно констатировать попытку Штриттматтера создать произведение, соответствующее канонам именно социалистического реализма, объявленного в тот период основным методом советской литературы.

Однако в дальнейшем можно отметить, что свои странствия по жизни немецкий прозаик изобразил в иной жанровой и стилистической форме, чем М. Горький. Исходный пункт творчества Штриттматтера и Горького был один и тот же, однако их произведения, имеющие тематическое сходство, оказались очень различными в силу ряда причин, а самая значительная из них заключалась в разнице между национальными литературными традициями. Ни *«Мои университеты»*, ни *«Детство»*, к которым обращается Штриттматтер, говоря о влиянии на него Горького, не дают полного основания указывать на прямые аналогии с произве-

¹ Здесь и далее произведения Эрвина Штриттматтера цитируются в опубликованных русских переводах.

дениями немецкого автора. Этапы многотрудной жизни своих героев Штриттматтер включает, прежде всего, в жанровые рамки воспитательного и авантюрно-плутовского романа, характерных именно для литературы Германии. Его произведения о детстве («Тинко», «Погонщик волов», «Лавка»), многочисленные рассказы вызывают также ассоциации с немецкими народными книгами и крестьянской литературой.

Роман М. Шолохова «Поднятая целина» был в 1950-е – 1960-е гг., несомненно, образцом для Штриттматтера. Именно это произведение показало немецкому прозаику противоречия, в пределах которых происходит развитие. Книга восхитила его также сочным народным языком. Здесь важным оказался исторический период в развитии Восточной Германии, сопоставимый со временем колхозного строительства в Советском Союзе: реформы немецкой деревни, преодоление инстинкта собственности, приход нового времени.

В 1954 году Штриттматтер публикует роман «Тинко» (*Tinko*), который можно отнести с определенными оговорками в разряд детской литературы. Происходит обращение к детскому сознанию крестьянского мальчика, современника и свидетеля реформирования немецкой деревни конца 1940-х годов в Восточной Германии. В ходе повествования автор пытается осмыслить социалистическое реформирование, происходящее на основе освоения советского опыта. Штриттматтер старается найти в нем позитивные черты, однако в этом, одном из его первых объемных эпических произведений, он видит уже противоречия происходящего.

Трагичен поворот в судьбе деда Краске, «Краске-хозяина», как он любит, чтобы его называли. Казалось, что после войны все достаточно удачно складывается для него: от советских властей он получает земельный надел, хозяйство приумножается (у него конь, несколько коров, четырнадцать свиней, куры, индейки, гуси), сыновья возвращаются с войны живыми и невредимыми. Однако он не может понятия принять начавшуюся по советскому образцу коллективизацию, когда продукты надо отдавать государству. Новый деревенский порядок, выраженный в словах бургомистра: *«часть общине, часть горожанам, короче говоря, госу-*

дарству» [Штриттматтер 1956: 320], вызывает у него приступ ярости. От тоски и бессильного гнева против нового, что, как ему кажется, разрушит его хозяйство, а значит и отнимет смысл жизни, он умирает. Автор устами его внука, который в последний раз рассматривает натруженные руки деда, подводит итог этой крестьянской судьбы: *«Вот этими самыми руками дедушка хотел остановить новое время. Оно отбросило их прочь»* [Штриттматтер 1956: 333].

Несомненно, что противоречивый образ «Краске-хозяина» вызывал сочувствие читателя. Как было указано выше, автор рассказывает о поворотных моментах в жизни немецкой деревни, выражая взгляд на действительность ребенка. Он воспроизводит непосредственное, наивное понимание происходящего с точки зрения юного героя. И в данном случае детское восприятие оказывается наиболее критичным по отношению к происходящим процессам. Изображение нового, что привнесено в деревню новой властью, становится сатирическим. Слушая речь юного демагога от пионерской организации, Тинко удивляется ее оборотам и выражениям: *«Я все уже реконсервировал. Осмотр природы мы осуществим в лесу и в поле, там, где она теперь устраивается на зиму. <...> Нам необходим более подробный осмотр. Так положено по инструкции»* [Штриттматтер 1956: 189]. Детское сознание, воспринимая серьезно псевдонаучный подход, схватывает и сохраняет неправильные понятия, слова, действия.

Остро сатирически изображает Штриттматтер социалистическую действительность в двух последних книгах романа «Чудодей». Основной вопрос, занимающий Штриттматтера в этом произведении, — это становление творческой личности в абсурдном, враждебном мире. Действия и поступки коммунистов представляются герою, Станислаусу Бюднеру, выражением догматизма, в котором в конечном итоге идея победы пролетариата становится не менее абсурдной, чем все другие идеологические направления послевоенной действительности. Так, коммунист Отто Роллинг, руководя какими-то постоянно засекреченными акциями в «борьбе за мир» в Западной Германии, демонстрирует фарсовость идеологии, которой он служит. Даже открытка с пожеланием сча-

ствя родственнику в честь юбилея несет отпечаток бюрократизма и коммунистической догмы: «*Будет праздноваться пятидесятилетний юбилей <...> Вперед по пути прогресса! Успехов в борьбе за мир! Коммунары мира, будьте готовы!*» [Strittmatter 1977: 159]. Важнейшими чертами в характеристике Отто становятся недоверие и подозрительность: он видит в Бюднере провокатора, который может повредить коммунистическому движению.

В ГДР будущий писатель Бюднер сталкивается с недоверием и суровыми испытаниями, уготованными ему партийной организацией, постоянно проверяющей и перепроверяющей идеологическую подготовленность своих членов, как того и требовал вождь мирового пролетариата Сталин, находящийся далеко в Москве. Бюднер еще только готовился вступить в партию, а уже был проверен по доносу своей бывшей жены на принадлежность к СС. Штриттматтер сатирически изображает идеологов-догматиков от СЕПГ, выражая через одну определенную черту характера или внешности всю их суть. Так, доцент Вакер из окружной партийной школы, похожий на ежа, казалось, ходил с «выставленными вперед “идеологическими иглами”» [Strittmatter 1977: 403]. Он считал многих поэтов «мелкобуржуазными» и приветствовал в литературе только «социалистический реализм». По его мнению, все остальная поэзия была «хромая и общественно неполноценная» [Strittmatter 1977: 408]. Партийный секретарь по пропаганде Вуммер мог вызвать у читателя ассоциации со словом *der Wurm* (червь, червяк). Разлад Бюднера с действительностью в дальнейшем усиливается. Коммунистическая идея, насаждаемая в Восточной Германии с помощью СЕПГ и ассоциирующаяся с опытом построения социализма в Советском Союзе, не принимается Штриттматтером и рассматривается критически и негативно. Интегративная рецепция русской советской литературы в творчестве Штриттматтера претерпевает определенную эволюцию и можно утверждать, что процесс рецепции становился все более дифференцированным.

Так шолоховский опыт в 1960-х – 1970-х гг. теряет для писателя свое былое значение. Для структуры образов и сюжета «крестьянского» романа «Оле Бинкоп» (*Ole Bienkopp*, 1963) более зна-

чительной является, на наш взгляд, все та же традиция народной немецкой литературы: шванков, календарных историй, фастнахтшпилей (масленичных комедий). С Оле постоянно что-нибудь происходит, как и с героями старинных шванков. Еще в юности, пытаясь приручить диких пчел, он принес в деревню на своей голове целый рой, за что получил прозвище *Bienkopp* (диалектное «пчелиная башка»). Это событие становится знаковым в рамках повествования, через него можно понять действия героя в дальнейшем. Мысли, как пчелы, роятся в голове Оле, и он пытается воплотить их в жизнь: он задумал создать кооператив нового типа, приручал диких уток, мечтал найти и действительно нашел полезное ископаемое мергель. Автор замечает, что в «упрямой башке Оле живет озорная детская способность ко всяким выдумкам» [Штриттматтер 1971: 201]. Семантически важными оказываются слова односельчан, привыкших жить как все обыкновенные люди: «*Совсем спятил!*»; «*Ты, часом, не спятил?*» [Штриттматтер 1971: 158-159].

Из этой характеристики перед читателем предстает именно фольклорный герой шванков и народных книг. Говорить о сопоставлении романов «Оле Бинкоп» и «Поднятой целины» можно, видимо, имея в виду то, что в их основе лежат так же, как и в предыдущих произведениях, элементы народных культур: в одном случае – русской, в другом – немецкой. Имеет место и определенное схождение сюжетных линий: желание преобразовать деревню на новых началах, мотив юной возлюбленной, смерть героя в конце повествования.

При рассмотрении указанной в заглавии статьи проблемы следует отметить также еще одну особенность. Существует определенное типологическое схождение между «крестьянскими» романами и рассказами Э. Штриттматтера и советских «деревенщиков». Так же, как В. Распутину («Прощание с Матерой»), Ф. Абрамову («Пелагея», «Алька»), В. Шукшину («Чудики», «Сельские жители»), немецкому прозаику дорог мир деревни. Он любит героев, выходцев из крестьянского сословия и персонажами его произведений становятся естественные деревенские люди, которых так же можно назвать «чудиками», как и героев Шукшина

(Оле Бинкоп). Умудренные жизнью, недоверчивые старики в определенной степени имеют сходство с персонажами распутинских произведений (старик Краске). Однако следует подчеркнуть и различие героев книг Штриттматтера и советских «деревенщиков». Названные выше произведения советских прозаиков, как правило, драматичны и даже трагичны по сути своих характеров и обстоятельств. В штриттматтеровских «деревенских» рассказах и в историях преобладает стихия доброго юмора и комического начала.

Типологическое схождение с произведениями некоторых советских писателей можно обнаружить также и в рамках еще одной темы: осмысление роли природы в условиях нового времени. Эту общность можно объяснить тем, что ни один писатель, связанный с «деревенским» направлением в литературе, не может пройти мимо того, что сформировало когда-то его душу, дало первый толчок поэтическому вдохновению. И здесь снова намечается ряд родственных явлений в советской литературе: достаточно вспомнить творчество М. Пришвина и К. Паустовского.

Так, Ева Штиртматтер рассказывает о письме, которое она и ее муж написали в 1967 году Паустовскому, выразив восхищение, с которым была воспринята прочитанная ими «Книга скитаний» [Strittmatter Eva 1977: 122]. Подчеркнуто, что многие люди, близкие Э. Штриттматтеру, с нетерпением ждут от советского писателя каждого нового слова. Немецкого прозаика привлекала, безусловно, в Паустовском мастерство рассказчика, тонкого наблюдателя природы и необыкновенного лирика в прозаических произведениях. Внешняя непритязательность в сочетании с доверительностью тона повествования свойственна как произведениям Паустовского, так и рассказам Штриттматтера. Это повествование о людях, естественных, живущих в гармонии с миром природы. Светлый мир простых, нередко деревенских героев Паустовского оказывается созвучен произведениям Штриттматтера. Персонажи немецкого автора, подобные Вернеру Корни («Валун») и Оле Бинкопу с их естественностью и стремлением к знанию, можно поставить в один ряд с героями из рассказов Паустовского: «Ут-

ренник» (Алеша Белявский), «Встреча» (Люба), «Первый туман» (Макаров).

Паустовский нередко делает своими героями людей, покоряющих силы природы. Алексей Белявский, персонаж «Утренника», говорит: *«Надо вернуть земле плодородие, мягкий климат, полноводные реки. У нас уже начинаются работы по возрождению лесов. Надо торопиться. Торопиться еще и потому, что для восстановления страны понадобится столько леса, что поезда с ним три раза могут опоясать экватор. Мы будем сажать леса из скорораствующих деревьев. В общем, мы преодолеем время»* [Паустовский, URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/text/rasskaz/utrennik.htm>].

Мир естественной природы у Э. Штрिटтматтера тоже находится в согласии с прогрессом века. Его энтузиаст и мечтатель Вернер Корни отмечал, выкорчевывая пни: *«Самолеты, как и жаворонки, и жаворонки, как самолеты, крыльями, на то и созданными, преодолевают сопротивление воздуха, взмывают вверх и парят над землей в пространстве, что зовется небом. <...> Для поверхностного человеческого слуха трели жаворонков – ничто, а гул самолетов для него – успокаивающее жужжание сытой летней мухи»* [Штрिटтматтер 1978: 52].

И в том, и в другом случае создается картина гармоничного бытия человека в согласии с природой и техническим прогрессом. Книги Пришвина также оказались созвучны произведениям немецкого прозаика. Схождение, однако, не случайно: у произведений обоих прозаиков один и тот же источник. Им является действительность XX века, когда разрывалась, часто трагически, тесная связь человека и природы. Оба писателя осознавали, какую роль в бытии человека играет природа, понимали, что современный человек без общения с ней потеряет свою онтологическую сущность. Оба в поисках первоизданности чистоты и слова обращались к фольклору, к устному народному творчеству.

Пришвин выбирает объектом своего внимания мир растений и животных. Штрिटтматтер также обращается к материалу, взятому из наблюдений природы. Оба прозаика создают художественные тексты, в которых поэтическое восприятие природы и действи-

тельности в целом становится основным элементом структуры произведения. У Пришвина: *«Еще не отцвела черемуха, и ранние ивы еще не совсем рассеяли свои семена, а уж и рябина цветет, и яблоня, и желтая акация, – все догоняет друг друга, все разом цветет этой весной. Начался массовый вылет майских жуков. Тихое озеро по раннему утру все засыпано семенами цветущих деревьев и трав»* [Пришвин, URL: <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/proza/rassказы/index.htm>].

В зарисовках Пришвина соединены в целое взгляд художника и наблюдателя естественного, биологического мира. Выбрав предметом художественного рассмотрения природу, он соотносит ее с существованием человека («Кощеева цепь», «Путешествие в страну непуганых птиц и зверей», «Кладовая солнца»): *«Я нашел себе любимое дело: искать и открывать в природе прекрасные стороны души человеческой»* [Пришвин 1969:107].

В «Шульценгофском календаре всякой всячины» (1966) Штриттматтер обращается к жанру лирической зарисовки или миниатюры, вызывающей ассоциации также с дневниковыми записями Пришвина. Штриттматтер рассказывает о каком-либо событии, совершающемся в природе: об отлете птиц («Птицы улетают»), о приметах весны («Купырь»), о повадках зверей («Заячьи проделки»), дает пейзажные зарисовки («Ожидание зимы», «Поздняя осень»). Передавая естественность и полноту существования природы. Он, как и Пришвин, воссоздает в своих миниатюрах красоту жизни, его зарисовки зрими и осязаемы так же, как произведения Пришвина: *«Вчера прошел грозовой ливень <...> В пойме реки пенятся луговые травы, а кисти сирени шлют ароматные любовные телеграммы жучкам и мошкам. В саду пошли в рост цветы»* («Во дворе») [Штриттматтер 1971: 438].

Как и Пришвин, Штриттматтер раскрывает через зарисовки природы мир человека, его индивидуальность. Вот, например, один из персонажей Штриттматтера. Человеком с глубоким, цельным и естественным характером предстает в «Шульценгофском календаре» дед автора, которому он посвящает ряд миниатюр. Дед предсказывал погоду («Звезды в календаре»), переводил речь животных на человеческий язык («Мир моего деда»), расска-

зывает невероятные истории о победе над чертом («Чертов нож»), сочинял песни («Трубка»). Автор подчеркивает, что поэтическое начало нередко присутствует в человеке, всю свою жизнь проведшем среди лесов и полей.

Влияние русской советской литературы можно обнаружить по аналогии и в творчестве Евы Штриттматтер. Будучи женой известного писателя ГДР, она помогала ему в творчестве, выполняя нередко функции редактора и секретаря. На протяжении существования ГДР была одним из самых издаваемых и читаемых поэтов. После падения Берлинской стены ее популярность как поэта уходит, однако и в начале XXI-го века она достаточно много писала, публиковалась. Она автор многочисленных стихотворных сборников: «Я создаю песню из тишины» (*Ich mache ein Lied aus Stille*, 1973), «На лугах лежит лунный снег» (*Mondschnnee liegt auf den Wiesen*, 1975), «Моим шульценгофским друзьям» (*Für meine Schulzenhof-Freunde*, 2008), «Дикая груша. Стихи» (*Wildbirnenbaum. Gedichte*, 2009). Прозаические произведения – «Письма из Шульценгофа» (*Briefe aus Schulzenhof*. 1 – 3, 1977 – 1995). Творчество Евы Штриттматтер было отмечено как до 1990 года, так и после, литературными премиями (премия Министерства культуры ГДР, 1975; премия В. Бауэра, 1998; премия федеральной земли Бранденбург, 2010).

В ее стихах формируется образ лирической героини, внимательно всматривающейся в окружающий ее мир, прежде всего – природы. Эта героиня ведет обыденное существование, но в этой обыденности она находит красоту и поэзию, выражаемую в стихах. В стихотворении «Ценности» (*Werte*) Ева Штриттматтер утверждает: «*Все прекрасные вещи в жизни бесценны: воздух, вода, любовь...*» [Strittmatter Eva 1990: 78]. Деревья, травы, песчаная почва, свет луны, тишина осени – наиболее часто повторяющиеся мотивы ее текстов. Автор передает ощущение родной земли, воспоминания детства, привязанность к родному дому и семье, любовь со всеми ее перипетиями, острое ощущение своей независимости как личности. В буднях простой жизни она находит определенные точки опоры, и одной из них становится природа. В своих произведениях она является таким же пристально всматри-

вающимся в мир природы автором, каким является М. Пришвин, которого она, как и Эрвин Штриттматтер, ценила и любила.

Природа была частью ее постоянного существования. В ее образах постоянно присутствует объем и обыденная предметность. За ними скрывается глубокое осмысление жизни. В стихах ярко выражены мотивы малой родины, родного дома, привычного пейзажа. Ср.: *Lasst mir den Hasenklee. / Lasst mir den kleinen Lerchenlaut. / Lasst mir den Liliensee. / Lasst mir den Sandweg durch die Heide* <...> (Bitte 1) [Strittmatter URL: Strittmatter, Eva-Gedichtsuche[http://www.gedichtsuche.de/gedichtliste/items/ Strittmatter,%20Eva](http://www.gedichtsuche.de/gedichtliste/items/Strittmatter,%20Eva)] («Оставьте мне клевер, оставьте мне тихое пение жаворонка, оставьте мне озеро с лилиями. Оставьте мне песчаную дорогу по пустоши») ².

Четыре времени года составили традиционно содержание ее стихов, подобно тому, как по рассказам и дневникам М. Пришвина читатель может наблюдать цикличность бытия человека, животного и растительного мира. Ср.: *Das grüne Augenlicht der Tiere. / Halbweisse Nacht in unserm Wald. / Die Dämmernis. Der Ginster. Farbenhalbschlaf. / Das Jahr ist jung. Das Jahr ist alt* [Strittmatter Eva 1990: 79] («Зеленый свет глаз зверей. Наполовину светлая ночь в нашем лесу. Сумерки. Дрок. Разноцветная сонная дрема. Год молод. Год стар»).

Суть стихотворения, состоящего почти полностью из назывных предложений, заключается в том, чтобы остановить мгновение, почувствовать игру красок, света и тени. Внешняя зыбкость, проявляющаяся в изображении «сумеречности» летней ночи, передана в последних строках «Год молод. Год стар». Самая последняя строка и ритм назывных предложений, вместе с тем, создают ощущение вечного и неизменного бытия. Все повторяется, и молодость года быстро переходит в его старение.

Приход осени и предзимья включены в этот событийный ряд, закономерность которого представлена в своей тотальной неизбежности. Ср.: *Ich mache ein Gedicht, / Das aus Schweigen besteht, / Löscht meine Worte aus / Und seht: der Nebel geht / Über die Wiesen.*

² Здесь и далее перевод наш. – Г. Л.

Und droben / Der grosse Oktobermond <...> [Strittmatter Eva 1990: 83] («Я создаю стихотворение, которое состоит из молчания, слышите мои слова и посмотрите: туман идет по лугам. А там большая октябрьская луна»).

Лирическая героиня утверждает: если стереть слова поэта, останется мгновение осени, октябрьская ночь почти без движения. Замерла Вселенная, только молчание способно передать поэтическое слово. Зарисовки Е. Штриттматтер созвучны многим наблюдениям М. Пришвина, который через точное описание картины природы приходит к осмыслению жизни, включенной в цикл вечного движения Вселенной.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Рецепция русской советской литературы проходила в творчестве Эрвина Штриттматтера достаточно противоречиво: с одной стороны, он внимательно изучал и осваивал опыт русских и советских прозаиков, с другой, в произведениях немецкого писателя можно найти и национальную народную традицию. Это опора на фольклор, персонажи, мотивы, родственные героям и атмосфере шванков, народных книг.

В раннем периоде творчества Э. Штриттматтера правомерно указать на некоторые аналогии с творчеством М. Горького и М. Шолохова (выбор тем и героев). В рассказах 1970-х – 1980-х годов он приближается к тому художественному миру, который был создан в русской советской литературе представителями «деревенской прозы», а также К. Паустовским и М. Пришвиным (осмысление бытия и природы как онтологического целого, зарисовки растительного и животного мира, естественные герои).

Онтологичность поэзии Евы Штриттматтер также сближает ее с творчеством М. Пришвина. Природа и существование человека осмысляются Е. Штриттматтер как единое целое. Обыденная жизнь и окружающая природа воспринимаются как взаимосвязанные сферы жизни человека. Цикличность и повторяемость природных явлений соответствует ритму бытия человека. Жизнь в ее стихах заключается в рамки естественных процессов (рождение, взросление, зрелость, старость).

Библиографический список

1. Паустовский К. Утренник [Электронный ресурс]. URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/text/rasskaz/utrennik.htm> (дата обращения 31.07.2019)
2. Пришвин М. М. О творческом поведении. – М.: Советская Россия, 1969. – 159 с.
3. Пришвин М. М. Майские жуки // Пришвин М. М. Произведения. Лесная быль. [Электронный ресурс]. URL: <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/proza/rasskazy/index.htm> (дата обращения 30.01.20).
4. Штригтматтер Э. Тинко / Перевод Вс. Розанова. – М.: Детская литература, 1956. – 334 с.
5. Штригтматтер Э. Оле Бинкоп / Перевод Н. Ман и С. Фридлянд // Штригтматтер Э. Избранное. – М.: Художественная литература, 1971. – С.17-388.
6. Штригтматтер Э. Всякая всячина. Шульценгофский календарь / Перевод Е. Вильмонт и Н. Ман // Штригтматтер Э. Избранное. – М.: Художественная литература, 1971. – С. 389-520.
7. Strittmatter E. Wie ich Gorki und Scholochow entdeckte // Neue Deutsche Literatur. 1973, Hf. 12. – S. 117-120.
8. Штригтматтер Э. Валун / Перевод Е. Вильмонт // Штригтматтер Э. Романы в стенограмме. – М.: Прогресс, 1978. – С. 52-60.
9. Штригтматтер Э. Погонщик волон / Перевод С. Фридлянд. – М.: Художественная литература, 1981. – 336 с.
10. Gloege H. Der unbekannte Strittmatter. – Frankfurt am Main: A. von Goethe Literaturverlag, 2007. – 218 S.
11. Strittmatter E. $\frac{3}{4}$ hundert Kleingeschichten. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1971. – 144 S.
12. Strittmatter E. Der Wundertäter / Roman. Zweiter Teil.– Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1977. – 440 S.
13. Strittmatter Eva. Briefe aus Schulzenhof. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1977. – 412 S.
14. Strittmatter Eva. Unterm wechselnden Licht. Ausgewählte Gedichte / Mit Aquarellen von M. Gábor. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1990. – 412 S.
15. Strittmatter Eva. Bitte I [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gedichtsuche.de/gedichtliste/items/Strittmatter%20Eva.html> (дата обращения: 30.07.2019).

G.A. Loshakova (Russia, Ulyanovsk)

ABOUT THE RECEPTION OF RUSSIAN SOVIET LITERATURE IN EAST GERMANY: ERWIN AND EVA STRITTMATTER

The integrative nature of the reception of Russian and Soviet literature by writers of the GDR is noted. A striking example is creativity of Erwin and Eva Strittmatter. In the early works of E. Strittmatter (1950s) it's possible to find some analogies with the works by M. Gorky and M. Sholokhov. In the prose of 1960s – 1980s E. Strittmatter is typologically close to the prose by K. Paustovsky and M. Prishvin. Ontology of Eva Strittmatter's poetry also brings her closer to the works by Prishvin.

Keywords: *reception, the integrative nature of prose, differentiated process, typological resemblance, Erwin Strittmatter, Eva Strittmatter.*

УДК 82-31

A.B. Макарычев (Россия, Самара)

ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СТОИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В РОМАНЕ Ю. ДОМБРОВСКОГО «ФАКУЛЬТЕТ НЕНУЖНЫХ ВЕЩЕЙ»

В статье стоицизм понимается как идейно-философская основа романа Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей». Рассматриваются формы репрезентации стоической философии в романе, проводится анализ стоических мотивов (неподчинения, сопротивления, прощения, самоубийства и др.). Через анализ стоических мотивов выстраивается нравственный облик главного героя – Георгия Зыбина. Устанавливается значение стоицизма в художественном мире Ю. Домбровского.

Ключевые слова: *Юрий Домбровский, «Факультет ненужных вещей», стоицизм, стоические принципы, мотив.*

Стоическая философия, зародившаяся в III в. до н.э. в Афинах, добралась до России достаточно поздно: наиболее древние источники, найденные на территории России, датируются XI веком н.э.